

УДК 321:94(450)

**ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИКИ ФЛОРЕНЦИИ
В ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЙНАХ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ
ТРАДИЦИЯ XIX СТОЛЕТИЯ**

Павлов К.В.

В исследовании рассмотрена история изучения политики Флорентийской республики в Итальянских войнах в историографии XIX века. Предложен акцент на рассмотрении данной историографической традиции XIX столетия как важного звена формирования национальной итальянской историографии. Предметно выделено отражение взаимосвязи исторической проблематики Итальянских войн и политики Флоренции в этих войнах с самосознанием локальных исторических школ Италии XIX века – ломбардской и тосканской. Автор статьи приходит к выводу о противоположности концепций тосканских и ломбардских историков по проблемам политики Флоренции в Итальянских войнах.

Ключевые слова: Флоренция, Итальянские войны, историография, позитивизм, Каппони, Канту, Ротонди.

**THE STUDY OF FLORENTINE POLITICS
IN THE ITALIAN WARS: THE HISTORIOGRAPHICAL
TRADITION OF THE 19TH CENTURY**

Pavlov K.V.

The paper considers the history of the Florentine Republic policy study in the Italian Wars in the historiography of the 19th century. The emphasis on the consideration of this historiographical tradition of the 19th century as an important link in the formation of national Italian historiography is proposed. The reflection of the relationship between the historical problems of the Italian Wars and Florence policy in these wars with the self-consciousness of the local historical schools of the 19th century Italy – Lombard and Tuscan – is highlighted. The author of the paper

comes to the conclusion about the opposing concepts of Tuscan and Lombard historians on the problems of Florence's policy in the Italian Wars.

Keywords: Florence, Italian Wars, historiography, positivism, Capponi, Cantu, Rotondi.

В основе становления современной исторической науки в Европе XIX в., помимо ранкеанской революции научного знания, принципов историзма и исторической критики [3, с. 629-634], несомненно, лежит также рост национального самосознания, отмеченный в европейских странах вследствие завершения наполеоновских войн. Европейские интеллектуалы стали активно осмысливать историю своих стран через призму идеи нации и объединения. Неслучайно сам «дух» эпохи становления научно-исторического знания сформировался в значительной степени в Германии, пребывавшей на пути ликвидации застарелой полуфеодальной раздробленности и поиска национально-государственного единства [3, с. 631-632]. Аналогичный процесс интеллектуального «поиска себя» как единого целого на фоне постнаполеоновской «Весны народов» начала предпринимать Италия [3, с. 174-175]. Однако для Германии в её поисках единства в значительной степени бытовал один ключевой вопрос – объединять ли Германию т.н. «великогерманским» или «малогерманским» путём (ответ на который, немецкие историки XIX в. искали в далёком прошлом своей страны) [3, с. 631]. Тогда как для Италии, как отмечал крупнейший теоретик истории этой страны, специалист по целому ряду областей гуманитарного знания Б. Кроче, на пути объединения исторических вопросов было характерно намного больше [1, с. 174-175].

Поскольку Италия пребывала в более чем тысячелетней раздробленности и, в отличие от Германии, не имела очевидного «ядра» объединения (каким для Германии стала Пруссия), то различные итальянские области, различные локальные идентичности Апеннин, явившиеся наследием длительного существования «территориальных государств», претендовали на то, чтобы

выступить «главой» итальянского объединения. Аргументацию своих претензий, естественно, эти области также искали в своей истории [1, с. 174-175]. Соответственно, прежде всего, отметим, что для историографии Итальянских войн (и политики Флоренции в них) в XIX в. был свойственен ярко выраженный «национальный» характер: эти исторические проблемы имели тогда приоритетное значение для итальянских исследователей. В этой связи неслучайно обращение итальянских историков в XIX в. именно к истории войн на Апеннинах 1494-1559 гг. с целью ответа на вопросы: каковы были причины войн, и есть ли какая-то определённая личная ответственность персоналий, управлявших городами-государствами Италии на рубеже XV-XVI вв., за их развязывание и затяжной характер.

Обращение к персоналиям, выделение роли личностей в истории – яркая черта соответствия итальянских исторических дискуссий XIX в. на тему войн на Апеннинах ранкеанскому интеллектуальному духу эпохи: для Ранке роль личности в истории была огромна [3, с. 630]. Для итальянских же историков эти дискуссии представляли собой повод обосновать, почему то или иное государство Апеннин не может претендовать на право выступить лидером объединения Италии в XIX в., исходя из конструируемой ими его «ответственности» за итальянскую политическую катастрофу рубежа XV-XVI столетий. Причём большинство выдающихся итальянских авторов XIX в. (Д. Розини [9, р. 4-5], Ч. Бальбо [4, р. 290-293], П. Верри [12, р. 40-41], Д. Каппони [7, р. 59-62]) выделяли происхождение Итальянских войн из разрушения военно-дипломатического равновесия на Апеннинах периода второй половины XV столетия, связанного с действием Лодийского мира 1454 г. между Флоренцией, Миланом, Неаполем, Венецией и папством. В самом же Лодийском мире, и связанном с ним эпохой стабилизации итальянской политической системы (1454-1482 / 1485-1494 гг.), итальянским авторам XIX в. предполагалось возможным найти корни исторической перспективы преодоления раздробленности на Апеннинах и объединения полуострова в некое подобие конфедерации. Однако этого не произошло из-за кризиса

государственности, одновременно «порадившего» в 1490-х гг. Неаполь, Флоренцию и Милан. Попросту говоря, историки того периода искали в войнах на Апеннинах некий «урок» на тему: «Как не повторить ошибок прошлого, пытаясь объединить Италию сейчас». Так, в этом отношении характерна полемика тосканских и ломбардских историков на тему того, какова роль персоналий, управлявших в начале 1490-х гг. Флорентийской республикой и Миланским герцогством соответственно, в возникновении итальянского конфликта.

В рамках подобной полемики, тосканские историки, тяготевшие к идее о культурно-историческом праве Флоренции объединить Италию, выдвинули и развили концепт личной ответственности герцога Милана Лодовико Моро Сфорца за якобы «несостоявшееся объединение» Апеннин в конце XV столетия, переросшее в катастрофу в виде Итальянских войн. Наиболее «иллюстративно» эта концепция развита в фундаментальной работе Д. Каппони «История Флорентийской республики». Каппони, обыгрывая некий условный антагонизм двух исторических персоналий рубежа 1480-х – 1490-х гг. – правителя Флоренции Лоренцо Медичи и герцога Милана Лодовико Моро – упоминает о непризнании первым легитимности власти второго, узурпировавшего герцогский престол [7, р. 201-213]. Кроме того, Каппони утверждает о якобы попытке Моро закрепления своей власти в Милане за счёт конфликта внешних сил: Франции и Империи Габсбургов, в равной мере, претендовавших на верховенство над Миланом [7, р. 205]. Пытаясь лавировать между Францией и Империей, Моро в конечном итоге навлёк на себя (и на всю Италию) гнев французского монарха Карла VIII Валуа, устремившегося к радикальному «наведению порядка» на Апеннинах посредством осуществления военной экспансии [7, р. 205]. Первой же «жертвой» экспансии Карла, однако, стал не Неаполь, куда он устремился в 1494 г. со своими войсками и откуда его через год изгнали: ей стала Флорентийская республика, утратившая на время (до 1498 г.) свою политическую самостоятельность ввиду продвижения французов с Юга Италии в Тоскану [7, р. 206-208]. Однако Флорентийская

республика «героически выстояла» под французским натиском и к 1498 г. вернула полноту своей политической самостоятельности. Из этой исторической концепции, на сегодняшний день, с подачи американского историка Д. Вайнштейна, характеризуемой как «флорентийский миф» [14, р. 15-44], тосканскими историками делался следующий вывод, применительно к реалиям уже современной им политики Апеннин: Милан не может претендовать на лидерство в объединении полуострова – эту роль должна сыграть именно Флоренция, как наследница «сопротивления» Флорентийской республики.

Ломбардские историки XIX в. находили в этой концепции среди тосканских историков, считавшейся «хрестоматийной», по меньшей мере, два противоречия, не позволяющих утверждать о праве тосканцев возглавить объединение Италии. В наибольшей степени по данному вопросу обобщил взгляды ломбардской исторической школы XIX в. П. Ротонди в работе 1879 г. «История Милана, изложенная в духе нашей школы» [10, р. 161-172]. Так, Ротонди выдвигает следующие аргументы, свидетельствующие о необоснованности концепции тосканских авторов.

Во-первых, в ней преподносилось изгнание дома Медичи из Флорентийской республики в 1494 г. (через два года после смерти Лоренцо Великолепного) как историческое естество, а не кризисная ситуация. То есть внутривнутриполитический кризис во Флорентийской республике рубежа XV-XVI столетий тосканскими историками XIX в. как бы «оттенялся» внешними обстоятельствами (собственно, французской экспансией в Итальянских войнах) [10, р. 164-165]. Во-вторых, в самом Милане утверждение Лодовико Моро в качестве герцога не встретило противоречий у сената, позволившего ему наследовать имперскую герцогскую инвеституру своему сыну Массимилиано [10, р. 165]. Обе школы развивают свою аргументацию в анализе политики Флоренции и Милана на дальнейшем этапе Итальянских войн 1498-1527 гг., когда Флорентийская республика сохраняла полноту дипломатической независимости, тогда как Миланское герцогство оказалось подчинённым сначала Франции, а затем империи Габсбургов.

Однако положению Флоренции и Милана в войнах на Апеннинах в этот период тосканские и ломбардские историки XIX в. давали прямо противоположные друг от друга оценки. Так, тосканские историки развивали идею «борьбы Флоренции за свободу», утверждая о том, что, сумев отстоять свою независимость в период Первой Итальянской войны, республика в дальнейшем боролась уже за свободу всей Италии. Опять же выделим в качестве наиболее «иллюстративной» модели развития данной концепции тосканских историков рассуждения Д. Каппони. В его «Истории Флорентийской республики» линия развития политики Флорентийской республики в Итальянских войнах периода 1498-1527 гг. преподносится следующим образом. С точки зрения Каппони, в период 1498-1509 гг. Флоренция стремилась упрочить собственную свободу «...возвращением к естественным границам» – *ritorno ai confine naturali* [7, р. 257-258]. Именно с этим стремлением Каппони связывает ключевую задачу флорентинцев в Итальянских войнах на этапе 1498-1509 гг. – возврат контроля над Пизой, владением, утраченным при Пьеро II Медичи [7, р. 257]. Таким образом, историк полагает, что «пизанский вопрос» в политике Флоренции имел экзистенциальный характер: если бы его не удалось разрешить, тосканская республика могла бы потерять свою независимость [7, р. 257-258].

Соответственно и возведение Пьеро Содерини, ставшего гонфалоньером Флоренции после падения савонаролианского режима, в ранг «пожизненного гонфалоньера» – *gonfaloniere a vita* в 1502 г. Каппони оценивает как шаг, направленный на разрешение данного вопроса. В представлении тосканского историка, став «пожизненным гонфалоньером», Содерини получил во Флоренции власть, подобную консульским полномочиям в Римской республике в периоды войн Рима [7, р. 279-281]. Каппони, однако, обращает внимание, что данный шаг не встретил всецелого одобрения видных семейств республики. Так, глава и репрезентант во флорентийской политике одного из таких семейств Аламанно Сальвиати, входивший в Совет Десяти, ведавший дипломатией республики, выступил против наделения гонфалоньера

пожизненным статусом [7, р. 279]. Поддержку позиции Сальвиати высказали ещё несколько членов руководства дипломатией Флорентийской республики, однако Содерини поддержал фактически главный орган республиканского управления – Большой совет Флоренции, и поэтому пост «пожизненного гонфалоньера» был введён [7, р. 280]. Подобное наделение полномочий позволило Содерини поспособствовать реализации проекта по организации «народного ополчения» флорентийских граждан с целью вернуть Пизу, автором которого выступил сподвижник Содерини, флорентийский дипломат Никколо Макиавелли [7, р. 289-290]. Соответственно в 1509 г. организованное Макиавелли ополчение сумело осуществить операцию по возврату Пизы: ключевая задача республики в Итальянских войнах тем самым была решена [7, р. 304].

Далее последовал новый этап политики Флорентийской республики в Итальянских войнах: этап 1510-1512 гг., когда было подготовлено отстранение Содерини от руководства Флоренцией и осуществлён возврат династии Медичи [7, р. 308-309]. Согласно предположению Каппони это произошло ввиду формирования в республике нового состава Совета Десяти, возглавленного Сальвиати, устремившегося установить отличный от политики Содерини курс дипломатии Флоренции в войнах на Апеннинах. Содерини стремился поддерживать генеральный нейтралитет Флоренции в Итальянских войнах, параллельно «...приобретая от всех сильных стран наёмников для пизанских кампаний» [7, р. 284]. При этом Сальвиати и его группа в политике Флоренции (представителями которой Каппони называет семейства Ридольфи, Пацци, Торнабуони и Ручеллаи [7, р. 304]) пожелали установить союз с одной из таких «сильных стран» с целью «борьбы за свободу Италии». Для реализации этого гипотетического «проекта» при активном участии Испании и было осуществлено возвращение во Флоренцию в 1512 г. дома Медичи. Испания, по мнению Каппони, виделась флорентийским «прожектёрам» лучшим вариантом установления подобного союза, ввиду совпадения двух факторов: столкновения интересов с Францией в Южной Италии из-за Неаполя, а также важнейшего

значения испанской монархии как «опоры» Католической Церкви [7, р. 305-306].

Первое обстоятельство было выгодно Флоренции, поскольку Испания, имея Неаполь, не претендовала бы на другие итальянские земли в отличие от Франции, уже в 1499 г. оправившейся от неудачи южно-итальянской кампании и овладевшей Миланом, или Империи Габсбургов, полагавшей своими историческими владениями почти все земли Северной Италии [7, р. 306]. Второе обстоятельство, в свою очередь, позволило флорентийскому правящему дому утвердить своего представителя кардинала Джованни Медичи на Римском священном престоле как папу Льва X [7, р. 313]. Соответственно, дальнейшая политика Флорентийской республики в Итальянских войнах в период 1513-1527 гг. в концепции Каппони была связана с проектом «освобождения и объединения Италии» – *liberazione e unita d'Italia* [7, р. 315-316], возглавить осуществление которого (и придать ему сакральный смысл) должен был папа Лев X. Именно в контексте этого гипотетического «проекта» Флорентийской республики Каппони преподносит, например, войну 1516 г. между Флоренцией и герцогством Урбино, присоединённых предшественником Льва X на папском престоле Юлием II к папскому «домену». Республика должна была подавить «мятеж» владений дома делла Ровере (чьи интересы от лица папства представлял происходивший из этого семейства Юлий II) против направленного на объединение Италии «проекта» Медичи и их папы.

Однако политическому проекту Флоренции и дома Медичи по объединению Италии не суждено было сбыться, поскольку Лев X, умерший в 1521 г., не сумел наследовать священный престол следующему Медичи – Джулио, который взойшёл на него только с перерывом в два года в ноябре 1523 г. под именем Климента VII [7, р. 344]. За два года прерывания «священного» правления Медичи под влиянием папы Адриана VI, бывшего воспитателя германского императора Карла V Габсбурга, папский престол отошёл от идеи выступить посредником объединения Италии, напротив, поддержав притязания империи Габсбургов на её северные земли, связанные с верховенством над

Миланом. Миланская же элита по версии Каппони встретила такие притязания Карла V поддержкой, выступив против интересов Италии, «отстаиваемых» Флоренцией [7, р. 342-343]. Взошедшему на папский престол в 1523 г. Клименту, соответственно, ничего не оставалось, кроме как выступить против Империи в союзе итальянских государств – Коньякской лиге, организованной Францией в 1526-1527 гг. [7, р. 353]. Результатом включения в этот союз папства и Флорентийской республики стало: для папства – разграбление Рима имперскими войсками Карла в 1527 г., а для Флоренции – скорая гибель республики.

В контексте методологии большинства исторических исследований XIX в., предполагавших сообразно ранкеанской (а затем и позитивистской) научной идее некое «священство» источника в истории [1, с. 179], Каппони аргументирует свою концепцию анализа политики Флоренции в Итальянских войнах критическим изданием некоторых источников по рассматриваемой проблеме. Так, флорентийский историк издал и сопровождал критическим комментарием два дипломатических документа 1519 г., связанных с избранием императора державы Габсбургов [7, р. 535-546]. Это два проекта договора папы Льва X с королём Франции Франциском I Валуа и Карлом V о дальнейшей судьбе Италии в войнах.

Согласно первому договору Лев X подтверждал право французской короны на Миланское герцогство, которое должно было стать северной «границей» нового объединения Италии (в свою очередь признаваемого Франциском) в централизованное государство, управляемое папством и имеющее ядро во «...владении флорентийском» [7, р. 546]. По второму же договору Лев X подтверждал право Карла V как «объединителя» испанских и немецких ветвей дома Габсбургов на испанский Неаполь. В обмен на это Карл продолжал бы политику Испании в отношении «проекта» Медичи по централизации Италии [7, р. 542-543]. Таким образом, Каппони преподносит все дальнейшие катастрофы дома Медичи и Флоренции в Итальянских войнах, последовавшие за фиаско Коньякской лиги в войне против Карла в 1527 г., как

нарушение Империей дипломатических договорённостей с папством Медичи [7, р. 546]. Упоминание же историком имевшихся у дома Медичи договорённостей об отторжении Милана в пользу Франции – явное стремление вновь выставить Милан виновником флорентийской (и итальянской) трагедии. Однако работа тосканского автора вышла в свет уже после политического объединения Италии в единое целое, произошедшего под монархической эгидой Пьемонта. Поэтому вопрос об ответственности того или иного государства Апеннин за развязывание Итальянских войн в 1494 г. приобрёл строгий характер исторического спора, и ответ на «вызов» Флоренции от Милана должен был последовать также на уровне исторической аргументации.

Тем не менее, исследование Каппони как благодаря фундаментальности базы источников, так и ввиду концептуальной выдержанности в рамках тосканской историографической традиции XIX в. в изучении Итальянских войн следует считать основополагающим. Последующие работы тосканских авторов эпохи ранкеанства и позитивизма преимущественно лишь дополняли отложившийся от труда Каппони «пласт» источников по проблематике флорентийской политики в войнах на Апеннинах. Это делалось с тем, чтобы поддержать общий образ Флоренции как эпигона борьбы за свободу и объединение Италии в войнах 1494-1559 гг., концепцию, заданную в «Истории Флорентийской республики».

В качестве наиболее иллюстративного примера данного историографического вектора отметим следующую работу. И. дель Бадиа, вероятно имея в виду некоторое тяготение Каппони к источникам монументально-нарративного и (или) официально-дипломатического свойства по проблемам политики Флоренции в Итальянских войнах, в 1883 г. дополнил его концепцию критическим изданием важнейшего источника другой формы: дневника флорентийского аптекаря Луки Ландуччи за 1450-1516 гг. (*Diario Fiorentino*) [8]. При обращении к изданию дневника Ландуччи со вступительной статьёй-комментарием за авторством дель Бадиа [8, р. 5-15] ясной проявляется картина социальной аномии во Флоренции начальных лет

войн на Апеннинах – голода и бедствий военного нашествия Франции [2, с. 313-314]. А также причина подобной катастрофы, состоявшая в отказе пришедшего к власти во Флоренции после изгнания дома Медичи Джироламо Савонаролы от поддержания политической культуры республиканской свободы ввиду внешнего давления французского гегемона [8, р. 11-12; 2, с. 313-314].

При этом дель Бадиа отдельно отмечает, что Ландуччи определял сторонников внутриполитического ригоризма Савонаролы как «святителей горя и толпу целомудрия» (*stralle benedette e pudiche schiere*) [8, р. 11]. Тем самым историк задаёт коннотацию народного антисавонаролианского движения как своего рода «внутренней борьбы» флорентинцев за свободу, оперируя инструментарием такой отличной от монументов историописания и официальных реляций формы восприятия истории как дневник [8, р. 11-12]. Характерно, что проецируемая Каппони при анализе следующего этапа Итальянских войн на современную ему идею объединения Италии под тосканскими знамёнами концепция восприятия политики флорентийских понтификов дома Медичи как борьбы за «освобождение и объединение Италии» выдвинута несколько раньше. Как правило, в историографии «внешняя» экстраполяция формируется «внутренними» аргументами (Б. Кроче поместил это свойство культуры исторического знания в «вопрос о соотношении всеобщего и индивидуального» [1, с. 68]). Здесь же наблюдаем интересный пример обратной ситуации в эволюции идей от Каппони к дель Бадиа. Вместе с тем основной посыл фундаментального нарратива Каппони – маскировка обвинения Милана в судьбе Флоренции (и всех Апеннин) в войнах 1494-1559 гг. – для тосканских исследователей XIX столетия сам по себе остался незыблемым.

Каков был ответ ломбардских историков на концепцию Каппони, обвинявшего Милан от лица Флоренции в гибели тосканской республики в войнах на Апеннинах и в многовековой утрате шанса на единство итальянской нации? Некоторые обстоятельства, указывающие на несостоятельность тосканской историографической модели «обвинения Милана» в гибели

Флорентийской республики в войнах на Апеннинах и её «проекта» объединения Италии вокруг дома Медичи, относящиеся к анализу периода 1498-1527 гг., были отмечены в уже упомянутой работе П. Ротонди «История Милана, изложенная в духе нашей школы». Прежде всего, Ротонди обратил внимание на свидетельства флорентийских историописцев эпохи Итальянских войн, противоречащие «модели» тосканских историков. Так, он указывает на приведённое в «Истории Италии» Франческо Гвиччардини упоминание о том, что Джованни Медичи (Лев X) был избран на папский престол не испанскими кардиналами, а молодыми итальянскими кардиналами [10, р. 176]. Более того, как отмечает Ротонди, флорентийский автор Гвиччардини отдельно выделил голос миланского кардинала в поддержку Медичи на конклаве 1513 г. [10, р. 176]. Наконец, ломбардский историк «нехотя» отмечает и следующий момент: Милан не мог стать «разменной монетой» в переговорах дома Медичи (от лица папы Льва X) с Францией и империей Габсбургов именно в 1519 г., поскольку он уже был таковым для них при организации Камбрейской лиги против Венеции десятью годами ранее [10, р. 174].

Однако Ротонди не подкрепил свой «ответ» на тосканское обвинение изданием каких-либо источников. Прежде всего, таким «ответом» ломбардской исторической школы уже непосредственно на работу Каппони, опять же в духе ранкеанского понимания истории, явилось издание миланскими историками некоторых архивных документов в рамках фундаментальной серии «Исторический архив Ломбардии». Так, ломбардский историк К. Канетта в 1883 г. опубликовал в X номере этой серии статью ««Бракосочетания» дома Сфорца и арагонского дома», сопроводив текст статьи изданием двух небольших писем о подготовке династических браков между миланской и неаполитанской (арагонской) династиями [5, р. 769-782]. Согласно версии Канетта, Неаполь «сорвал» вариант урегулирования династического кризиса, предложенный Миланом, под влиянием Флорентийской республики Пьеро II Медичи, союзной испанской монархии и не поддерживавшей легитимизацию Лодовико Моро в качестве миланского герцога [5, р. 775-776].

А ещё спустя пять лет в XV номере «Исторического архива Ломбардии» один из «патриархов» ломбардской исторической школы Ч. Канту издал статью «Сфорца и Карл VIII» [6, р. 319-349]. К своей статье Канту приложил текст фрагмента якобы имевшегося у Лодовико Моро в 1493 г. секретного соглашения с французским монархом, представлявшего собой «перевёртыш» флорентийского «проекта» объединения Италии от 1519 г., упомянутого Каппони [6, р. 344-349]. Так, согласно версии Канту, миланский герцог договорился с Карлом VIII о поддержке его притязаний на Неаполитанское королевство. Взамен на это французский король должен был поспособствовать сначала выдаче Моро папской инвеституры на правление в Милане, а затем совместно с герцогом организовать поход против Медичи с целью изгнать их из Флорентийской республики и «...объединить Италию от Севера до контуров Юга» [6, р. 344-349]. Более чем спорными представляются обе точки зрения: как ломбардской, так и тосканской исторической школ. Однако их внимание оказалось приковано к политике Флорентийской республики в Итальянских войнах, в том числе периода 1498-1527 гг., как и внимание некоторых их современников, исследовавших эту политику через призму рассмотрения деятельности флорентийских дипломатов, её осуществлявших.

Прежде всего, исследователи XIX в. в политике Флоренции в Итальянских войнах обращали внимание на две персоналии: Никколо Макиавелли и Франческо Гвиччардини. Это связано как с богатством источников (дипломатическая и частная корреспонденция, исторические сочинения, политические трактаты), так и с ассоциацией с каждым из мыслителей представлений об определённом видении объединения Италии. При этом применительно к изучению фигуры Никколо Макиавелли, оценки его деятельности часто носили характер частных взглядов, связываемых с представлениями о так называемом «макиавеллизме» во всех его проявлениях и измерениях. Не анализируя этот пласт работ, упомянем среди них как самую фундаментальную, с точки зрения базы рассмотренных источников,

двухтомную работу О. Томмазини (1883) «Описание жизни Никколо Макиавелли в её отношении к макиавеллизму» [11].

Вместе с тем наиболее прогрессивными итальянскими историками XIX столетия проблема войн 1494-1559 гг. на Апеннинах исследовалась за рамками данной оценочной методологии, в том числе относительно участия Флоренции в войнах и роли в них флорентийских политических персоналий. Например, роль Флоренции в политической системе Италии периода 1498-1527 гг. обсуждалась в работе классика итальянской исторической науки П. Виллари «Никколо Макиавелли и его время» [13]. Труд историка, посвящённый данной проблеме, до сих пор является одним из лучших образцов макиавеллевской историографии, не ставящей перед собой целью исследование «макиавеллизма». Также он стал одним из первых исследователей флорентийской политики в Итальянских войнах, кто упоминал и значимость для тосканского государства проблемы возврата Пизы, и факт участия в её разрешении Никколо Макиавелли, оперируя при этом анализом документов из делопроизводства флорентийских государственных структур эпохи войн.

В свою очередь одним из первых авторов, кто в конце XIX в. предметно обратился к персоналии младшего современника Макиавелли, флорентийского дипломата эпохи Итальянских войн периода 1512-1527 гг. Франческо Гвиччардини стал итальянский историк Э. Дзанони. В своих монографиях «Общественная жизнь Франческо Гвиччардини» [16] и «Идея Франческо Гвиччардини» [15] Дзанони развил концепцию политической теории Гвиччардини как «политики противовеса мер». С точки зрения Дзанони флорентинец развивал идею «дипломатического представительства» как «противовеса» войне, а войны как «противовеса дипломатическому представительству» [16, р. 24-25]. Итальянский историк подчёркивает, что Флорентийская республика пыталась лавировать в войнах на Апеннинах между разными политическими силами — «папством, французами, испанцами, германцами» [16, р. 24-25]. Естественным следствием подобной осторожности

флорентийской дипломатии являлась во многом «релятивистская» идея политики, сложившаяся у Гвиччардини как одного из её видных лиц.

Вместе с тем на основании подобной оценки политической теории флорентинца Дзанони считает возможным утверждать, что именно Гвиччардини, а не его знаменитый старший товарищ по дипломатической службе Макиавелли, был основателем современной науки о государстве» [15, р. 31], добавляя, что в своём понимании политики «Гвиччардини отстоит намного дальше от Макиавелли, чем Макиавелли – от Данте» [15, р. 31]. Кроме того, применительно к исследованиям Дзанони, отметим, что этот итальянский историк, сообразуясь с духом восприятия метода и задач своей науки, базовым для XIX в., придал своему труду высокое источниковедческое значение. Именно Дзанони стал первым издателем внушительного «фонда» писем Франческо Гвиччардини – дипломатических и частных.

Подводя итоги исследования, можно заключить: традиция изучения политики Флоренции в Итальянских войнах в XIX в. весьма обширна. Эта традиция представлена широким кругом сочинений итальянских историков, центральным «структурным» обстоятельством труда которых явился спор исторических школ Ломбардии и Тосканы по рассматриваемой научной проблематике. В ходе подобного спора (иногда предметно-исторического, но чаще обосновывавшегося итальянской политической конъюнктурой эпохи становления процесса Рисорджименто) в каждой из школ возникли принципиально противоположные видения политики Флорентийской республики в Итальянских войнах. При этом и тосканские, и ломбардские авторы стремились аргументировать свою «правоту» в споре по сконструированной исторической проблеме, в том числе, посредством издания и введения в научный оборот источников по истории дипломатии эпохи Итальянских войн. В то же время вне рамок этого спора наиболее прогрессивными работами итальянских авторов по проблемам политики Флоренции в Итальянских войнах являлись исследования, ориентированные на

анализ деятельности конкретных политических персоналий флорентинцев данной эпохи (прежде всего Никколо Макиавелли и Франческо Гвиччардини).

Список литературы:

1. Кроче Б. Теория и история историографии // Пер. с ит. И.М. Заславской, послесл. Т.В. Павловой. М.: Языки русской культуры, 1998. 192 с.
2. Павлов К.В. Голод и чума в эпоху Итальянских войн: повседневное и политическое измерение (по сведениям флорентийских источников) // История повседневности в российской гуманитаристике – взгляд из 2024 г.: Коллективная монография / Под ред. Д.П. Шульгиной, О.А. Огородниковой, А.А. Емельяновой. М.: Канцлер, 2024. С. 307-315.
3. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
4. Balbo C. Sommario della storia D'Italia dale origini fino a' nostrii tempi. Firenze: Felice Le Monnier, 1856. 520 p.
5. Canetta C. Le «sponsalie» di Casa Sforza con Casa d'Aragona // Archivio Storico Lombardo. Vol. X, 1883. P. 769-782.
6. Cantu C. Gli Sforza e Carlo VIII // Archivio Storico Lombardo. Vol. XV, 1888. P. 319-349.
7. Capponi G. Storia della Repubblica di Firenze. In 2 vol: Vol. 2. Firenze: G. Barbera, 1875. 636 p.
8. Del Badia I. Avvertimento per Diario Fiorentino dal 1450 al 1516 di Lucca Landucci // Diario Fiorentino dal 1450 al 1516 di Luca Landucci / Con an- notazioni da I. Del Badia. Firenze: Sansoni, 1883. P. 5-15.
9. Rosini G. Saggio sulli azioni e sulle opere di Francesco Guicciardini. Pisa: Pressa Niccolo Capuro, 1820. 64 p.
10. Rotondi P. Storia di Milano narrate agli alunni delle nostre scuole. Milano: stabilimento tipografico ditta Giacomo Agnelli, 1879. 228 p.

11. Tommasini O. La vita e gli scritti di Niccolo Machiavelli nella loro relazione col Machiavellismo, storia ed esame critico. In 2 vol. Roma: Loescher, 1883. 794, 1005 p.
12. Verri P. Storia di Milano. In 2 vol. Firenze: Felice Le Monnier, 1851. 546, 512 p.
13. Villari P. Niccolo Machiavelli e i suoi tempi. In 3 vol. Firenze: Le Monnier, 1877-1882. 647, 592, 652 p.
14. Weinstein D. The Myth of Florence // Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence / Ed. by N.Rubinstein. London: Faber and Faber, 1968. P.15-44.
15. Zanoni E. La mente di Francesco Guicciardini. Nelle opera politiche e storiche. Firenze: G. Barbera, 1897. 492 p.
16. Zanoni E. Vita Pubblica di Francesco Guicciardini. Con nuovi documenti. Bologna: Ditta Nicola Zanichelli, 1896. 626 p.

Сведения об авторе:

Павлов Кирилл Владимирович – магистр истории, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Data about the author:

Pavlov Kirill Vladimirovich – Master of History, graduate student of Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com.